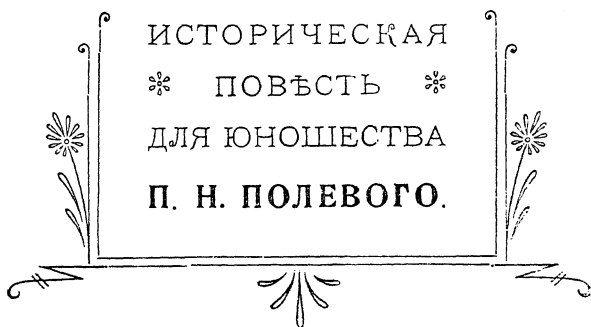

КУДЕСНИКЪ.

„О! какъ душно, какъ невыносимо тяжело живетъ въ этихъ раззолоченныхъ теремахъ...“

КУДЕСНИКЪ.

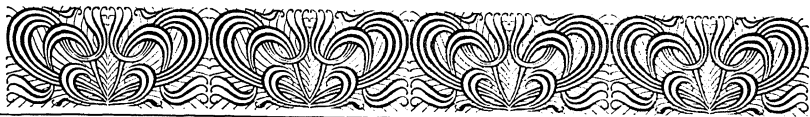

Съ 12 отдѣльными рисунками акад. К. В. Лебедева.

2-ое изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

I.

Въ кружалѣ.

Наступалъ февраль 1682 года. Погода на Москвѣ стояла сырая, мозглая. Мокрый снѣгъ перепадаль крупными липкими хлопьями, покрываль все пушистымъ, шереховатымъ бѣлымъ покровомъ — на часъ, много на два — и таялъ, обращаясь въ сѣрую, мутную, грязную жидель... Не только улицы и крыши, но даже стѣны домовъ не просыхали; съ крышъ и желобовъ постоянно текло и капало. Подъ вечеръ скрѣпляло всю эту грязь кое-какимъ плохонькимъ морозцомъ, но подъ утро выпадалъ дождь со снѣжной крупой — и слякоть опять тянулась безъ конца.

Въ одинъ изъ такихъ сумрачныхъ и ненастныхъ февральскихъ дней въ кружалѣ, около Никольскаго крестца, было очень шумно и тѣсно. Народъ то и дѣло входилъ въ кружало погрѣться, потѣсниться около стойки, изъ-за которой продавали «зелено вино» и хмѣльную брагу, покаякать со встрѣчнымъ пріятелемъ и послушать городскихъ новостей. Кружало это не даромъ слыло въ народѣ подъ названіемъ «Трубы». Кого-кого тутъ нельзя было встрѣтить? И монаха дальняго Аеона, и сборщика на храмъ

изъ любого конца Московской Руси, и стрѣльца, и пропойцу-подъячаго, и разночинца, и подгородняго крестьянина... Всѣмъ тутъ было мѣсто:—кажется, и яблоку упасть негдѣ, а люди толкутся, какъ мошки надъ болотомъ, пьютъ, закусываютъ, ведутъ шумную бесѣду, шутятъ, смѣются, ссорятся и бранятся или такъ галдятъ, скаля зубы. Кажется, и дышать нечѣмъ въ этой толпѣ; паръ отъ нея стоитъ надъ головами, какъ въ доброй банѣ; смрадъ отъ овчинъ, отъ обуви, отъ поношеннаго платья насквозь пропиталъ весь воздухъ, а люди стоятъ да калякаютъ, и видимо находятъ большое удовольствіе въ этой тѣснотѣ и духотѣ! На этотъ разъ, однако-же, весь интересъ толпы сводится къ тому, что направо отъ стойки сидитъ Юрочка-юродивый и «благовѣствуетъ» ближайшимъ рядамъ слушателей о какомъ-то «переставленіи»...

— Близко будто-то переставленіе-то — сказывается! — передаютъ изъ переднихъ рядовъ въ задніе, которымъ «благовѣствованіе» не слышно явственно.

— Верхи, говоритъ, у хоромъ попадаютъ и стѣны потрясутся! И кровь прольется всякая — и темная, и свѣтлая! То-есть такъ понимать надо: — повинная и неповинная, — растолковывалъ сосѣду какой-то подъячій.

— Кто его знаетъ? Може — и точно правду баетъ? — отозвался на это собесѣдникъ, посадскій человекъ изъ Краснаго Села. — Вѣдь ежели такъ присмотрѣться, точно времена неспокойныя.

— Ужъ какое тутъ спокойныя! Царь-то вонъ и молодой — да, говорятъ, ужъ на ладанъ дышетъ!

— Что ты пустое мелешь? Невѣста высватана — черезъ недѣлю и свадьбѣ быть... А ты — на ладанъ дышетъ!